

ГОСУДАРСТВО И РЕЛИГИЯ (ЭПОХА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ)

© 2013 г. Орест Владимирович Мартышин¹

Краткая аннотация: секуляризация в СССР основывалась на государственной атеистической идеологии и политике. В первые 25 лет Православная Церковь была лишена статуса юридического лица, и многие представители духовенства жестоко преследовались как враги народа. С 1943 г. иерархические структуры церкви получили официальное признание, а церковь стала частью советской политической системы на условиях полной утраты свободы и безоговорочной поддержки коммунистического режима.

Annotation: soviet type of secularization was based on atheist ideology and policy of the state. During the first 25 years after the revolution the Orthodox Church was deprived of the status of legal entity and many representatives of the clergy were severely persecuted as enemies of the people. In 1943 the church hierarchy was officially recognized and admitted to soviet political system at the price of total loss of liberty and unconditional support of the communist regime.

Ключевые слова: государство, религия, церковь, секуляризация, правовой статус вероисповедания.

Key words: state, religion, church, secularization, legal status of confession.

Основы политики большевиков в отношении религии формулировались в их программных документах. Программа РСДРП 1903 г. содержит по этому вопросу три положения:

1. “Неограниченная свобода совести”, помещенная в один ряд со свободой слова, печати, собраний, стачек и союзов. Иными словами, свобода совести как один из важнейших элементов прав личности.

2. “Отделение церкви от государства и школы от церкви”.

3. “Конфискация... монастырских и церковных имуществ” наряду с удельными, кабинетскими и принадлежащими лицам царской фамилии землями, а также обложение особым налогом земель землевладельцев-дворян, воспользовавшихся выкупной ссудой, с целью “возвращения крестьянам денежных сумм, взятых с них в форме выкупных и оброчных платежей”².

Комментируя эти положения в 1905 г. в статье “Социализм и религия”, В.И. Ленин пользовался традиционной для социалистов (Готская 1875 г. и Эрфуртская 1891 г. программы Германской социал-демократии) формулой: “религия должна быть

объявлена частным делом”. При этом он подчеркивал, что религия должна быть частным делом по отношению к государству, но не по отношению к пролетарской марксистской партии, разделяющей оценку религии как опиума народа. В.И. Ленин призывает “покончить с тем позорным и проклятым прошлым, когда церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, когда существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы..., преследовавшие за веру и за неверие...”³. Это обеспечивается, по его мнению, “полным отделением церкви от государства”, которое рассматривается как “необходимая составная часть политической свободы”. Ленин полагал, что “государству не должно быть никакого дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью..., должны стать совершенно свободными, независимыми от власти союзами граждан-единомышленников”⁴.

Не признавая религию частным делом для партии, В.И. Ленин вслед за Ф. Энгельсом “осуждал попытки людей, желавших быть “левее” или “революционнее” социал-демократии, внести в программу рабочей партии прямое признание атеизма в смысле объявления войны религии”⁵. Он пред-

¹ Профессор кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук (E-mail: ktgp@msal.ru).

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. I. М., 1953. С. 40–42 (далее – КПСС в резолюциях...).

³ Ленин В.И. Соч. Т. VIII. 1929. С. 420.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Т. XIV. 1931. С. 68.

лагает “бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом”. “Вот почему мы не заявляем и не должны заявлять в нашей программе о нашем атеизме, – писал он в 1905 г., – вот почему мы не запрещаем и не должны запрещать пролетариям, сохранившим те или иные остатки старых предрассудков, сближение с нашей партией”⁶. В.И. Ленин отмечает обновленческие тенденции, возникшие в 1905 г. в среде духовенства, и призывает “поддержать это движение, доводя до конца требования честных и искренних людей среди духовенства, ловя их на словах о свободе, требуя от них, чтобы они порвали решительно всякую связь между религией и полицией”⁷.

Сравнение предреволюционных идеологических установок с Программой РКП (б), принятой на VIII съезде в марте 1919 г., т.е. спустя почти полтора года после прихода к власти, обнаруживает существенные сдвиги.

Вместо “неограниченной свободы совести, слова, печати, собраний” появилось следующее многозначительное положение: “Задача партии пролетариата состоит в том, чтобы, проводя неуклонно подавление сопротивления эксплуататоров и идейно борясь с глубоко вкоренившимися предрассудками насчет безусловного характера буржуазных прав и свобод (видимо, это и есть “неограниченная свобода”. – О.М.), разъяснять вместе с тем, что лишение политических прав и какие-либо ограничения свободы необходимы исключительно в качестве временных мер борьбы с попытками эксплуататоров отстоять или восстановить свои привилегии. По мере того, как будет исчезать объективная возможность эксплуатации человека человеком, будет исчезать и необходимость в этих временных мерах, а партия будет стремиться к их сужению и полной отмене”⁸.

Лаконичный раздел “В области религиозных отношений” открывается заявлением, что “РКП не удовлетворяется декретированным уже отделением церкви от государства и школы от церкви”. Эти меры характеризуются как программные установки буржуазной демократии, которые она нигде в мире не довела до конца из-за многообразных фактических связей капитала с религиозной пропагандой. “РКП руководствуется убеждением, что лишь осуществление планомерности и сознательности во всей общественно-хозяйственной деятельности масс повлечет за собой полное

отмирание религиозных предрассудков. Партия стремится к полному разрушению связи между эксплуататорскими классами и организацией религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительскую и антирелигиозную пропаганду. При этом необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувств верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма”⁹.

Трудно избавиться от впечатления, что “религиозные предрассудки” употребляются в программе в качестве синонима “религии”. Впрочем, такое словоупотребление характерно и для цитировавшейся статьи В.И. Ленина 1905 г. Таким образом, партия ставит цель отмирания религии, которой не было в 1903 г. и против которой В.И. Ленин предостерегал в 1905 и 1909 гг. Антирелигиозная пропаганда представляет собой вид борьбы с религией, хотя и литературной, а не посредством мер открытого принуждения. В этом смысле ленинские предостережения 1905 г. как будто сохраняли значение. Положение о разрыве связи между организацией религиозной пропаганды и эксплуататорскими классами столь же двусмысленно, как и термин “религиозные предрассудки” в приведенном контексте. Любая форма религиозной пропаганды может рассматриваться как выражение интересов эксплуататоров. Конечно, речь шла о партийной платформе, для которой, как разъяснял В.И. Ленин в 1905 г., тезис “религия – частное дело” неприемлем. Но правящая партия осуществляет свою программу через государство. К тому же задача ставилась изживать “религиозные предрассудки” не среди членов партии, а среди “трудящихся масс”.

Программа, принятая согласно ленинской терминологии на новом этапе революции, т.е. этапе перерастания общедемократической революции в социалистическую, ознаменовалась переходом от борьбы за свободу совести, отделение церкви от государства и школы от церкви к вытеснению религии из общественной жизни. Этими идеями проникнута и ленинская статья 1922 г. “О значении воинствующего материализма”.

* * *

Временное правительство приступило к реформированию государственно-церковных отношений. В августе 1917 г. был созван Поместный Собор РПЦ, о необходимости которого речь шла со времени первой русской революции. Царское пра-

⁶ Там же. Т. VIII. С. 422.

⁷ Там же. С. 421.

⁸ КПСС в резолюциях... Ч. I. С. 414.

⁹ Там же. С. 420, 421.

вительство так и не пошло на этот шаг, приведший к восстановлению патриаршества. В торжественном открытии Собора участвовали премьер-министр А.Ф. Керенский, министры внутренних дел (Н.Д. Авксентьев) и исповеданий (А.В. Карташев). Последний закончил свою речь словами: “осеняю себя вместе с вами широким православным крестом”¹⁰. Это был адекватный ответ на безоговорочную поддержку Св. Синодом РПЦ Временного правительства сразу после падения самодержавия. Однако демонстрация уважения к Православной Церкви не помешала Временному правительству принимать меры, принципиально изменяющие ее статус в государстве. Были провозглашены принципы свободы совести, отказа от вероисповедных и национальных ограничений. Временное правительство отменило обязательное преподавание Закона Божьего, передало церковноприходские школы в ведение Министерства народного просвещения. Попытки Поместного Собора добиться отмены этих решений ни к чему не привели. Один из участников переговоров делегации Собора с А.Ф. Керенским вынес из встречи с премьер-министром впечатление, что “нить, связующая государство с церковью в их заботах о христианском просвещении народа, теперь уже порвалась”¹¹.

Советская власть с первых шагов ломала сложившиеся государственно-церковные отношения. Декрет “О земле” национализировал церковные и монастырские земли и передавал их в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных советов крестьянских депутатов. Декларация прав народов России и Обращение ко всем трудящимся мусульманам России и Востока покончили с юридическим неравноправием неправославных религий. В декабре 1917 г. здания всех церковных школ и семинарий были переданы в ведение Наркомпроса, отменили обязательный церковный брак, разрешили развод. В январе 1918 г. государство отказалось от субсидий на содержание церковных строений и выплаты жалования служителям алтаря.

Голландский исследователь В. ван ден Беркен, которого трудно заподозрить в симпатиях к советской власти, отмечает, что перечисленные меры “уже действовали в некоммунистических странах, Россия отставала от большинства современных государств”¹². Эта оценка в известной степе-

ни распространяется и на важнейший документ, определявший религиозную политику советской России в первые годы революции, – Декрет СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви от 13 января 1918 г. В нем записан “ряд прогрессивных норм, в частности равенство верующих и неверующих перед законом”, “в некоторых ключевых положениях он напоминает французский закон 1905 г. о разделении церкви и государства”¹³.

В то же время, подчеркивает В. Беркен, Декрет СНК исходит из совершенно иных принципиальных установок. Разделение религии и государства, как оно складывалось на Западе с эпохи буржуазных революций, предполагает нейтральность государства в конфессиональной сфере. Советская политика преследовала цель освобождения трудящихся масс от “религиозных предрассудков”, четко зафиксированную в Программе РКП (б) 1919 г. Политическая ориентация противоречила принципу свободы совести, провозглашенному в Конституции РСФСР 1918 г., и не могла не сказаться на содержании правовых актов, в том числе и Декрета СНК от 13 января 1918 г.

Религиозные объединения не признавались в качестве юридических лиц. Они лишались права собственности. Все, чем владели церковь и другие религиозные объединения, объявлялось народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные для богослужебных целей, могли передаваться в безвозмездное пользование группам верующих по особому распоряжению центральной или местной власти. Запрещались религиозные обряды и церемонии при совершении государственных или иных публично-правовых общественных действий, а также принудительные взыскания, сборы и обложения в пользу церкви и религиозных обществ, принуждение и наказание их сочленов. Ведение актов гражданского состояния передавалось органам государственной власти. В области образования Декрет не ограничился отделением школы от церкви, но и запретил религиозное образование во всех государственных, общественных и частных образовательных учреждениях общего характера. Гражданам разрешалось изучать религиозные дисциплины или преподавать их только в частном порядке. Инструкции Наркомюста установили, что частное религиозное образование может осуществляться только на дому у священника или обучающихся и что в группах не должно быть более трех учеников¹⁴.

¹⁰ Одинцов М.Н. От Поместного Собора к Декрету об отделении Церкви от государства // НГ-Религии. 2008. 6 февр.

¹¹ Дытин В. История Русской Православной Церкви 1917–1990. М., 1994. С. 27.

¹² Bercken W. van den. Ideology and atheism in The Soviet Union. Berlin. N.-Y. 1989. P. 89.

¹³ Ibid.

¹⁴ См.: Bercken W. van den. Op. cit. P. 93, 94.

* * *

Формы отделения церкви от государства принято делить на “мягкие” и “жесткие”, или радикальные. Их можно назвать также компромиссными и последовательными. Примером мягкой формы служат обычно США¹⁵, а жесткой – Франция. Д. Мартин, автор “Общей теории секуляризации”, называет это развитием событий по благотворному и по порочному кругу¹⁶. Революционная Россия, безусловно, относится к радикальному варианту и значительно превосходит в этом отношении Францию. Влияние идеологии большевиков, марксистского понимания религии как “опиума народа” в данном вопросе очевидно. Оно и привело к вытеснению нейтральности государства в конфессиональном вопросе атеизмом. Но наряду с программными установками, обусловившими специфику российского варианта секуляризации, действовали и общие факторы, исключавшие компромиссные решения.

Д. Мартин выделяет два основных фактора. Во-первых, внутренний раскол нации, побуждающий церковь поддержать одну из противоборствующих сторон, занять четкую политическую позицию. Именно такова была ситуация во время Великой французской революции, в отличие от североамериканских колоний, где революция объединила все население в освободительной борьбе с внешним врагом. Во-вторых, характер межконфессиональных отношений: монополия одной религии, ее привилегии и нетерпимость влекут за собой жесткие формы секуляризации, как это случилось во Франции, и наоборот, религиозный плюрализм в сочетании с толерантностью предрасполагают к компромиссу, умеренности, исключают воинствующий секуляризм¹⁷. Так развивались события в США, Великобритании.

По любому из этих критериев Россия, безусловно, относилась к числу стран, подталкиваемых ходом событий к жестким методам секуляризации. У большевиков были все основания рассматривать официальную церковь как часть царского режима. Политический выбор церкви в условиях раскола общества не вызывал сомнений. Церковь отказалась от защиты самодержавия только после его падения. Поддерживая Временное правительство, Церковь стремилась покончить с прямым подчинением государству и с этой целью восстановить патриаршество, не теряя ничего из своих

привилегий. Вместо огосударствления выдвигалась идея тесного союза Церкви и государства. Но государство должно было оставаться православным, а церковь – господствующей. Церковь не скрывала враждебного отношения к левым силам в России и не признавала власти большевиков, рассчитывая, что она скоро будет свергнута.

Последовательно консервативная позиция Церкви восторжествовала на Поместном Соборе РПЦ 1917–1918 гг., совершенно заглушив слабые обновленческие тенденции. Вот оценка политики большевиков, опубликованная во “Всероссийском церковно-общественном вестнике”, официальном издании Собора: “Что такое большевизм? Это смесь интернационалистического яда со старой русской сивухой. Этим ужасным пойлом опаивают русский народ несколько неисправимых изуверов, подкрепляемых кучей германских агентов”¹⁸. В воззвании, изданном Собором 17 (30) ноября 1917 г., руководителей Октябрьской революции называли “лжеучителями нового общественного строения”. “Тон этого послания не мог, конечно, способствовать смягчению сложившихся тогда напряженных отношений между Церковью и новым советским государством”¹⁹, – отмечает церковный историк протоиерей В.А. Цыпин. Эта оценка применима не только к тону послания, но и ко всей конструкции церковно-государственных отношений, разработанной Собором. В официальном тексте принятого собором Определения о правовом положении Церкви в государстве говорилось: “1. Православная Российская Церковь... занимает в Российском государстве первенствующее среди других исповеданий публично-правовое положение, подобающее ей как величайшей святыне огромного большинства населения и как величайшей исторической силе, созидавшей Российское государство... 4. Государственные законы, касающиеся Православной Церкви, издаются не иначе, как по соглашению с церковной властью... 7. Глава Российского государства, министр исповеданий и министр народного просвещения, и товарищи их должны быть православными... 22. Имущество, принадлежащее установлениям Православной Церкви, не подлежит конфискации и отобранию...”. “Отдельные статьи “Определения”, – комментирует В.А. Цыпин, – носили анахронический характер, не соответствуя конституционным основам нового государства.., и не могли претворяться в жизнь”²⁰.

¹⁵ См.: *Baierl J.J.* The catholic church and the modern state. Rochester. N.Y., 1955. P. 157.

¹⁶ См.: *Martin D.* A general theory of secularization. Oxford, 1978. P. 16.

¹⁷ См.: *Martin D.* Op. cit. P. 16–21.

¹⁸ *Одинцов М.Н.* Указ. соч. С. 8.

¹⁹ *Цыпин В.* Указ. соч. С. 21.

²⁰ Там же. С. 19, 20.

Напрашиваются более сильные выражения. Это было недвусмысленное отрицание новых законов и порядков, т.е. прямой вызов власти. В русле намеченного Собором общего курса «Патриарх Тихон объявил войну большевикам, расточая им свои громовые анафемы»²¹. 19 января 1918 г. он опубликовал воззвание, в котором призвал всех верных чад Церкви «не вступать с... извергами рода человеческого (т.е. большевиками. – *О.М.*) в какое-либо общение». «Опомнитесь, безумцы, – обращался Патриарх к новой власти, – прекратите ваши кровавые расправы. Ведь то, что творите вы, – не только жестокое дело: это – поистине дело сатанинское, за которое подлежите вы огню геенскому в жизни будущей – загробной и страшному проклятию потомства в жизни настоящей – земной. Властью, данной нам от Бога, запрещаем вам приступать к тайнам Христовым, анафематствуем вас, если только вы носите еще имена христианские и хотя по рождению своему принадлежите к Церкви Православной»²². Листовка, изданная от имени Поместного Собора, гласила: «Патриарх Московский и всея Руси в послании возлюбленным о Господе архипастырям, пастырям и верным чадам Православной Церкви Христовой обнажил меч духовный против извергов рода человеческого – большевиков и предал их анафеме»²³.

Характерна оценка мотивов отношения Патриарха Тихона и Поместного Собора к советской власти в церковных источниках. В 1927 г. в знаменитом документе, известном как Декларация Митрополита Сергия (см. ниже), последний задается вопросом, «что мешало и в первые годы советской власти устроению церковной жизни на началах лояльности», и отвечает на него следующим образом: «Это – недостаточное осознание всей серьезности совершившегося в нашей стране. Утверждение советской власти многим представлялось каким-то недоразумением, случайным и потому недолговечным. Забывали люди, что случайностей для христианина нет и что в совершившемся у нас, как везде и всегда, действует та же десница Божия, неуклонно ведущая каждый народ к предназначенной ему цели»²⁴.

Спустя несколько десятилетий авторитетный церковный историк протоирей Владислав Цыпин предлагает то же объяснение: «Издание этого документа («Воззвание» от 19 января 1918 г. – *О.М.*)

в известной мере было обусловлено ошибочным убеждением Патриарха, которое разделяла с ним тогда большая часть духовенства, о непрочности нового государственного строя, несбывшейся надеждой на его скорое падение»²⁵. Дело, таким образом, не столько в принципах, сколько в неправильной тактической оценке текущего момента.

Власть тоже относилась к Церкви как к врагу не только идейному, но и политическому. Она стремилась всячески ослабить влияние Церкви на массы и при этом не стеснялась в средствах. Наряду с карательными мерами (закрытие церквей, расстрелы священников), широко применявшимися в годы гражданской войны, была развернута антирелигиозная пропаганда. В 1918–1920 гг. проводилась публичная кампания вскрытия мощей святых, призванная убедить верующих в том, что Церковь основана на обмане. Издавались журналы «Революция и Церковь» (1919–1924), «Атеист» (1922) и получивший наиболее широкое распространение «Безбожник». В 1925 г. при опоре на читателей этого журнала создается массовая организация Союз воинствующих безбожников.

Отношения между Церковью и государством резко обострились в начале 20-х годов. Голод, охвативший страну, побудил правительство к чрезвычайной мере – изъятию церковных (Декрет ВЦИК от 23 февраля 1922 г.) и музейных ценностей. Согласившись первоначально жертвовать церковные украшения, Патриарх Тихон затем запретил духовенству сдавать священные сосуды и богослужебные предметы. В марте 1922 г. изъятие церковных ценностей привело к столкновениям, особенно острым в Шуе. В.И. Ленин расценил их как «сопротивление влиятельнейшей группы черносотенного духовенства» советской власти. В письме членам Политбюро от 19 марта 1922 г. он заявил: «Чем большее число реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь проучить эту публику так, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать». Применительно к церкви возрождалась ситуация гражданской войны.

* * *

В связи с этими событиями под покровительством советской власти (в первую очередь ОГПУ) предпринимается попытка создать новую церковную организацию, готовую поддерживать революцию. Она вошла в историю под именем

²¹ Можегов В.И. Церковь, рожденная революцией // НГ-Религии. 2010. 18 авг.

²² Цыпин В. Указ. соч. С. 29.

²³ Вопросы научного атеизма. Вып. 39. 1989. С. 301 (Дается ссылка: ЦГАОР СССР. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 10. Л. 205, 205б).

²⁴ Цыпин В. Указ. соч. С. 247.

²⁵ Там же. С. 29.

обновленческой церкви. Попытки обновления церковной жизни восходят к религиозно-философским собраниям, проходившим в 1901–1903 гг. в Петербурге по инициативе Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус. Они носили характер свободной дискуссии, в которой участвовали представители высшего духовенства и петербургской интеллигенции. Собрания были прекращены по распоряжению обер-прокурора Святейшего Синода К.М. Победоносцева.

Революция 1905 г. вызвала к жизни движение среди петербургских священников, известное сначала как Кружок тридцати двух, позже – как Братство церковного обновления. Они выступали за созыв Поместного Собора, восстановление патриаршества, внедрение христианских принципов в социальную жизнь. С 1907 г. в Петербурге существовало религиозно-философское общество. Обновленческие тенденции оживились после Февральской революции. В марте 1917 г. в Петрограде возник Всероссийский союз демократического православного духовенства и мирян, просуществовавший до 1919 г. Во главе его стояли священники А. Введенский, А. Боярский, И. Егоров. Они стремились к изменению церковных обрядов и системы управления. На Поместном Соборе 1917–1918 гг. они настаивали на утверждении соборных принципов в Церкви и в связи с этим не одобряли восстановления патриаршества.

В 1921 г. А.И. Введенский создал Петербургскую группу прогрессивного духовенства²⁶. В условиях голода обновленцы выдвинули лозунг: “Превратим церковные ценности в хлебы для голодающих”. Под давлением обновленцев, за спиной которых стояло государство, Патриарх Тихон подписал 12 мая 1922 г. акт о временной передаче церковной власти митрополиту Ярославскому Агафангелу с 16 мая 1922 г. до созыва Поместного Собора. Но в тот же день представители обновленческого движения заявили о создании нового органа духовной власти – Высшего Церковного Управления (ВЦУ).

С 29 апреля по 9 мая 1923 г. в Храме Христа Спасителя проходил Второй Всероссийский Поместный Собор (обновленческий). Действия Патриарха Тихона подверглись осуждению. Перед православным обществом ставилась задача “соединить революцию и религию..., воспринять революцию, не нарушив своего православия”²⁷. Протоиерей А.И. Введенский назвал Декрет

об отделении церкви от государства “благодетельством для Церкви” и заявил, что в России нет гонения на веру²⁸. Резолюция по докладам протоиереев А.И. Введенского и В.Д. Красницкого (последний был специально посвящен делу Патриарха Тихона) гласила: “Собор объявляет капитализм смертным грехом, а борьбу с ним священной для христианина”. В советской власти “Собор видит мирового вождя за братство, равенство и мир народов”. “Собор клеймит международную и отечественную контрреволюцию, осуждает ее всем своим религиозно-нравственным авторитетом”. Собор лишил Патриарха Тихона сана и монашества, отменил восстановление патриаршества и объявил о возврате к принципам соборного управления²⁹.

Между тем Патриарх Тихон, находившийся под арестом в связи с возбужденным против него уголовным делом, 16 июня 1923 г. обратился с ходатайством в Верховный Суд РСФСР об изменении меры пресечения. Через 10 дней он был освобожден и вскоре провозгласил, что считает ничтожными все действия ВЦУ и обновленческого собора и возвращается к управлению всей Российской Церковью. 4 июля газета “Известия” опубликовала обращение Патриарха Тихона к православным верующим по этому поводу. В нем Патриарх рассказывался “в активных выступлениях... против советской власти” и осуждал “всякое посягательство на советскую власть, откуда бы оно ни исходило”. “Пусть все заграничные и внутренние монархисты и белогвардейцы поймут, – писал он, – что я советской власти не враг”³⁰. Видимо, таково было условие освобождения и предоставления возможности возобновить в какой-то мере исполнение патриарших полномочий. Ходатайства об официальной регистрации Патриархии как органа церковного управления не удовлетворялись. Хотя первое дело против Патриарха Тихона было прекращено в марте 1924 г., через год его допрашивали по новому уголовному делу. 7 апреля 1925 г. Патриарх Тихон умер.

В обновленчестве искреннее стремление ряда участников движения к преобразованию церковной жизни сочеталось с выполнением политического заказа власти. Создание Высшего церковного управления означало раскол в Православной Церкви. Некоторое время обновленческие приходы действовали параллельно с традиционными, однако значительного отклика среди верующих

²⁶ См.: Цытин В. Указ. соч. С. 38–40.

²⁷ Демушкин Р. и др. История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Т. 1. 1917–1970. СПб., 1997. С. 844.

²⁸ См.: там же. С. 847.

²⁹ См.: там же. С. 851, 852.

³⁰ Известия. 1923. 4 июля.

они не вызвали и к концу 30-х годов их деятельность угасла³¹.

* * *

Этому способствовал и поворот РПЦ от противостояния новой власти к подчинению, вынужденному сосуществованию, наметившийся в последний период деятельности Патриарха Тихона и продолженный его преемниками.

Совещание архиереев РПЦ 12 апреля 1925 г. (день похорон Патриарха Тихона) возложило обязанности патриаршего местоблюстителя на митрополита Крутицкого Петра (Полянского). После его ареста в декабре того же года руководство церковью перешло к заместителю Патриаршего местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому). В 1922 г. он поддержал обновленцев и вошел в ВЦУ, но после публичного покаяния в августе 1923 г. был принят в лоно Патриаршей Церкви. В ноябре 1926 г. митрополит Сергий был арестован и вернулся к церковному управлению в марте 1927 г. В мае того же года произошла официальная регистрация митрополита Сергия в качестве заместителя Патриаршего местоблюстителя, а также созданного при нем Временного Священного Синода. 29 июля 1927 г. было опубликовано Послание заместителя Патриаршего местоблюстителя, митрополита Нижегородского Сергия (Страгородского) и временного при нем Патриаршего Святейшего Синода православным архипастырям, пастырям и пасомым Московского Патриархата (Декларация митрополита Сергия). Послание преследовало цель поставить Церковь “в правильные отношения к советскому правительству и тем дать Церкви возможность вполне законного и мирного существования”. Оно призывало церковных деятелей показать, что они “не с врагами нашего советского государства и не с безумными орудиями их интриг, а с нашим народом и нашим правительством”. “Мы хотим быть православными и в то же время сознавать Советский Союз нашей гражданской Родиной, радость и успехи которой – наши радости и успехи, а неудачи – наши неудачи”, – писали авторы Послания. Церковное руководство осудило “ярко противосоветские выступления некоторых наших архипастырей и пастырей за границей” и потребовало от заграничного духовенства “дать письменное обязательство в полной лояльности к Советскому правительству” под угрозой исключения из состава клира, подведомственного Московской Патриархии. Такое размежевание рассматривалось как

важное средство нормализации отношений с правительством. Выражалась надежда, что легализация центрального церковного управления, под которой имелась в виду официальная регистрация заместителя Патриаршего местоблюстителя и Священного Синода, “постепенно распространится и на низшее наше церковное управление”³². Этот расчет оправдался с опозданием в полтора десятилетия.

С Послания 1927 г. церковное руководство демонстрировало полную лояльность к советской власти. В интервью “Известиям” в феврале 1930 г. митрополит Сергий утверждал, что в СССР никогда не было гонений на религию, что церкви закрываются по желанию населения и самих верующих, а репрессии против верующих и священнослужителей осуществляются в “общем порядке” за разные противоправительственные деяния³³. В декабре 1936 г. в связи с получением Московской Патриархией сообщения о смерти в заключении митрополита Петра митрополит Сергий стал Местоблюстителем Патриаршего Престола.

Декларация митрополита Сергия вызвала протесты в церковной среде. Некоторые архиереи отказывались подчиняться его распоряжениям, в частности запрету на поминовение при богослужениях ссыльных священников и требованию обязательного поминовения властей. Несогласные подвергались суровым репрессиям.

Одним из последствий Декларации стало отделение Русской Православной Церкви за рубежом, окормлявшей в основном эмигрантов, среди которых высок был процент монархистов, белогвардейцев и иных принципиальных противников советской власти, от Московского Патриархата.

Подавление сопротивления, осуществлявшееся совместно церковным управлением и государственными органами, загнало несогласных в подполье. Возникла так называемая катакомбная церковь. Она не знала единой структуры и управления, состояла из разнородных движений. Одно из них до сих пор носит название Истинно Православной Церкви. Духовно объединяющим принципом служило нежелание сотрудничать с коммунистическим режимом. До конца 80-х годов религиозное подполье подвергалось репрессиям и административным ограничениям. Его численность сократилась с десятков тысяч человек в 20–50-е годы до нескольких сотен к концу первого десятилетия XXI в.

³¹ См.: *Можжегов В.И.* Указ. соч.

³² *Цыпин В.* Указ. соч. С. 245–248.

³³ *Известия.* 1930. 16 февр.

* * *

Резкое обострение борьбы советской власти с церковью в 1921–1922 гг. в связи с голодом и изъятием культовых драгоценностей носило временный характер. С 1923 по 1929 г. предпринимались попытки ввести борьбу с религией в более спокойное русло, что дало основания говорить о “религиозном нэпе”. Резолюция XII съезда РКП (б) (апрель 1923 г.) гласила: “Нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательство над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков”³⁴.

Некоторая либерализация религиозной политики распространялась на мусульманские и иудейские организации в большей степени, чем на господствовавшую до революции Православную Церковь. Преследовавшиеся при царском режиме протестантские общины не испытывали гонений и в первые годы советской власти. Им не мешали создавать свои учебные заведения, периодические издания, союзы молодежи. Поощрялась организация коммун крестьянами – приверженцами неортодоксальных христианских конфессий.

В 1929 г. (в так называемый год великого перелома) в связи с переходом от новой экономической политики к сплошной коллективизации и “ликвидации кулачества как класса”, развернулось и новое наступление на религию. Политическая система первых лет революции уступала место сталинскому режиму.

В начале 1929 г. был разослан циркуляр “О мерах по усилению антирелигиозной работы”. В мае того же года XIV Всероссийский съезд Советов вносит важное изменение в текст ст. 4 Конституции РСФСР. “Свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды” уступила место “свободе религиозных вероисповеданий и антирелигиозной пропаганды”. Конституция СССР 1936 г. еще более сузила права верующих. В ней речь идет не о свободе веры, а о “свободе отправления религиозных культов”. Формулировка “свобода антирелигиозной пропаганды” осталась неизменной.

Подлинный смысл этих новшеств позволяет уяснить Постановление ВЦИК и СНК СССР “О религиозных объединениях” от 8 апреля 1929 г. Конституция была приведена в соответствие с этим документом. С незначительными изменениями, внесенными в 1975 г., он сохранял силу до

25 октября 1990 г., когда был введен Закон РСФСР “О свободе вероисповеданий”.

Постановление 1929 г. воспроизводило положения Декрета СНК от 13 января 1918 г. о национализации всех церковных имуществ, непризнании за религиозными объединениями прав юридических лиц, запрете на преподавание религиозных вероучений (за исключением богословских курсов, открываемых “с особого разрешения НКВД РСФСР”). В то же время оно вносило в государственно-конфессиональные отношения два важных новшества. Первое из них – максимальное сужение сферы деятельности религиозных обществ. Им запрещалось создавать кассы взаимопомощи, производственные объединения и вообще пользоваться находящимся в их распоряжении имуществом для каких-либо иных целей, кроме удовлетворения религиозных потребностей, оказывать материальную поддержку своим членам (любопытно обоснование этой меры в пропагандистской брошюре 70-х годов: “благотворительность унижает людей, ставит их в материальную зависимость от религиозной общины”. К тому же “коммунистическая партия и советское государство заботятся о неуклонном росте благосостояния советского народа. Так, в 1973 г. минимальная заработная плата была повышена до 70 р. в месяц...”³⁵), организовывать как специально детские, юношеские, женские и другие собрания, так и вообще библейские, литературные, трудовые, по обучению религии и т.п. собрания, группы, кружки, отделы, а также устраивать экскурсии и детские площадки, открывать библиотеки и читальни, организовывать санатории и лечебную помощь. Тем самым религиозные общества практически полностью исключались из общественной жизни. Их функции сводились только к удовлетворению культовых потребностей.

Второе новшество Постановления ВЦИК и СНК 1929 г. состояло в том, что оно не признавало традиционно сложившихся религиозных иерархических структур. Верующим разрешалось создавать автономные объединения (не менее 20 человек) или группы, избирать на общем собрании открытым голосованием их исполнительные органы и получать по договору с властями в бесплатное пользование молитвенные здания и предметы культа. Религиозные общества и группы могли организовывать (каждый раз с особого разрешения) местные, всероссийские и всесоюзные съезды и совещания. Эти съезды и совещания могли избирать исполнительные органы для проведения

³⁴ КПСС в резолюциях... Ч. I. С. 744.

³⁵ Эзрин Г.И. Религия и государство. М., 1974. С. 129, 130.

в жизнь своих постановлений. Но ни съезды, ни их исполнительные органы не обладали правами юридического лица, не могли устраивать какие бы то ни было центральные кассы для сбора добровольных пожертвований верующих, устанавливать какие-либо принудительные сборы, обладать культовым имуществом, арендовать помещения для молитвенных собраний, заключать какие бы то ни было договоры и сделки. Таким образом, конфессия рассматривалась как федерация религиозных общин без единого центра и управления. С юридической точки зрения она была обезглавлена. Право на созыв съездов и совещаний оставалось мертвой буквой закона. Прав В. ван ден Беркен, считавший, что с Постановлением 1929 г. церковь как целое утрачивала статус юридического лица, сводилась к локальным группам верующих, лишенным каких-либо региональных структур³⁶.

Постановление ВЦИК и СНК от 8 апреля 1929 г. свидетельствовало о том, что послание митрополита Сергия 1927 г. не изменило принципиально отношения советской власти к религии. Церковь оставалась гонимой. Она стала одной из жертв новых и небывало мощных массовых репрессий, обрушившихся на страну в 30-е годы.

* * *

К повороту в религиозной политике привела Великая отечественная война. В какой-то степени это связано с попытками немецких властей использовать восстановление религиозных учреждений на оккупированных территориях, чтобы добиться поддержки населения. Было решено лишить нацистскую пропаганду этого козыря, использовать возможности религии (и Православной Церкви в первую очередь) для сплочения всех сил общества в борьбе с агрессором. Распуск Союза воинствующих безбожников свидетельствовал о временном прекращении антирелигиозной кампании. 4 сентября 1943 г. Председатель СНК И.В. Сталин принимает трех из оставшихся в живых после репрессий 30-х годов иерархов РЦП, митрополитов Сергия (Старгородского), Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича). 8 сентября того же года на немногочисленном Соборе епископов митрополит Сергий был избран Патриархом Московским и всея Руси. Это означало восстановление в правах РПЦ как единой централизованной организации. По словам В. ван ден Беркена, “Русская Православная Церковь заплатила моральную цену за большую

свободу действий”. Этой ценой была “безоговорочная поддержка советской политики дома и за рубежом”. Правительству больше не нужно было беспокоиться о критике со стороны церковного руководства, которое было обязано отрицать прошлые преследования и называть Сталина “вождем милостью Божией” и “защитником Святой церкви”³⁷. Современный отечественный исследователь А.В. Черняев пишет: “Начиная с 1943 года Московская патриархия была в СССР вполне системным учреждением... Противоречие между Церковью и советским обществом... затрагивало, по сути, лишь теорию и частные социально-бытовые аспекты, тогда как на уровне политики имело место скоординированное и взаимовыгодное “соработничество”³⁸. Смирившись с требованиями светской власти, ограничив свою деятельность отправлением религиозного культа, церковь перестала быть гонимой. Она уподобилась советским общественным организациям, таким как Союз писателей или Союз художников, которым дозволено было действовать в строго определенных рамках при условии полной покорности власти и под ее неусыпным надзором. В известном смысле Церковь вернулась к тому состоянию, которое было для нее характерно и при царском режиме, но полностью утратила при этом статус важнейшей опоры власти, носителя ее идеологии, символа государственности.

На новых условиях государственно-конфессиональные отношения вошли в “нормальное” русло. Были созданы государственные органы связи и контроля (по существу, – управления) – Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов. В 1965 г. они были объединены в Совет по делам религии при Совете министров СССР. Атеистический характер партийной, а значит, и государственной идеологии оставался неизменным. Еще в 70-е годы КПСС решительно выступала против примиренческого отношения “еврокоммунистов” к религии. Но антирелигиозная пропаганда стала особенно с 70-х годов более умеренной. Неистовых безбожников сменили спокойные и равнодушные лекторы общества “Знание”. Зато действительно мощным орудием служило полное исключение религии из государственной системы воспитания и образования, а также из средств массовой информации (кроме разоблачительных материалов).

В 1959 г. в Институте всеобщей истории АН СССР возник сектор истории религии и атеизма.

³⁷ Bercken W. van den. Op. cit. P. 106.

³⁸ Черняев А.В. Един, но один. Патриарх Кирилл и его карьера // ИГ-Религии. 2011. 16 нояб. С. 6.

³⁶ Bercken W. van den. Op. cit. P. 96.

В 60-е годы в вузах создавались кафедры научного атеизма. Этот предмет вводился в школьные программы. Чтобы отвлечь граждан от посещения храмов, в большие церковные праздники телевидение давало ночные развлекательные программы. Был свидетелем, как в Пасхальную ночь перед Новодевичьим монастырем в Москве выставили милицейский кордон, не пропускавший группки молодых людей к действующему храму. Большинство из них скорее всего привела не религиозность, а желание как-то необычно провести время при отсутствии в городе ночной жизни. Людей зрелого возраста пропускали на территорию монастыря беспрепятственно.

Вялотекущая антирелигиозная пропаганда сменялась периодически рецидивами борьбы с церковью. Религиозное возрождение, вызванное войной, подошло к концу во второй половине 1948 г. Политика государства становилась более жесткой. Короткая вспышка антирелигиозной пропаганды наблюдалась летом 1954 г. В 1959 г. Н.С. Хрущев начал последнюю в истории советской власти полномасштабную кампанию борьбы с религией. За один год было закрыто около 11 тыс. из примерно 20 тыс. действующих церквей. Хотя после смещения Н.С. Хрущева с руководящих постов кампания пошла на убыль, закрытие церквей продолжалось до 1966 г., когда их осталось немногим более 7 тыс. Из 69 монастырей 53 были закрыты³⁹. Еще большим гонениям вплоть до административного и уголовного преследования подвергались неортодоксальные христианские течения. В марте 1961 г. Совет по делам РПЦ и Совет по делам религиозных культов приняли Инструкцию по применению законодательства о культах, запрещавшую регистрацию «религиозных обществ и групп, принадлежащих к сектам, вероучение и характер деятельности которых носят антигосударственный и изуверский характер». Религиозное инакомыслие было загнано в подполье. Представителей катакомбных церквей арестовывали и ссылали, используя для этого, в частности, Закон о борьбе с тунеядством 1961 г.

Московская патриархия, свыкшаяся со своим подчиненным положением, невозмутимо продолжала сотрудничество с государством и ни разу не возвысила голос в защиту верующих, опасаясь худших последствий как для церкви в целом, так и для ее руководства. Редкие выражения протеста из православной среды носили частный характер. В середине 60-х годов московские священники Г. Якунин и Н. Эшлиман обратились с открытым

письмом к Председателю Верховного Совета СССР Н.В. Подгорному. Они осуждали деятельность Совета по делам РПЦ, отмечая, в частности, что большая часть распоряжений этого органа отдается в устной форме. В письме Патриарху всея Руси Алексию II священники изложили богословское обоснование своей позиции. В 1972 г. А.И. Солженицын отправляет «Великопостное письмо» Патриарху Пимену с призывом «взять на себя инициативу в борьбе за освобождение Церкви, даже если ради этого ему придется принять мученический венец». «Не дайте нам предположить, не заставьте думать, что для архипастырей Русской Церкви земная власть выше небесной, земная ответственность страшнее ответственности перед Богом»⁴⁰. Ясно, что письмо носило всецело пропагандистский характер, и автор не ожидал никакого ответа. Неспособность повлиять на политику иерархов привела Г. Якунина в 1979 г. к идее создания «катакомбной церкви» путем тайного рукоположения епископов и священников, отпугнувшей многих своим радикализмом⁴¹.

* * *

Лишь политические сдвиги середины 80-х годов, так называемая перестройка, привели к принципиальным изменениям в положении церкви. В январе 1986 г. религиозные организации были признаны в качестве юридических лиц и получили право собственности на культовые здания, детям от 10 лет разрешалось участвовать в службе и петь в церковном хоре, а священникам — осуществлять религиозные обряды вне своего прихода и в особых случаях — даже в частных домах⁴². Празднование тысячелетия Крещения Руси в 1988 г. ознаменовало новый этап в истории Православной Церкви. С разрешения властей был созван Поместный Собор, большим тиражом печаталась Библия, проходили научные конференции. Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев встречался с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. В их речах прозвучали мысли об общечеловеческих ценностях и об известной близости христианских и коммунистических идеалов⁴³. По всей стране открывались новые приходы. К концу 1993 г., за пять лет их число удвоилось с 7 до 14 тыс., количество монастырей выросло с 20 до 200, духовных семина-

⁴⁰ Цит. по: Вильер П. Русское православие и права человека // Права человека и религия. Хрестоматия / Сост. и научн. ред. В. Новик. М., 2001. С. 379–382.

⁴¹ См.: там же. С. 383.

⁴² См.: Bercken W. van den. Op. cit. P. 154.

⁴³ См.: Religion and Political Action in postcommunist Europe. Glasgow, 1998. P. 26.

³⁹ См.: Bercken W. van den. Op. cit. P. 114, 115.

рий – с 4 до 38⁴⁴. Патриарх Алексей II говорил о втором Крещении Руси. Оживление религиозной жизни распространилось и на другие религии, причем не только “традиционные”. Чрезвычайно активизировалась миссионерская деятельность. Возрождались языческие культы.

В октябре 1990 г. были приняты Закон СССР “О свободе совести и религиозных организациях” и Закон РСФСР “О свободе вероисповеданий”. Сохраняя принцип отделения религиозных организаций от государства, оба Закона провозглашали свободу и равенство всех конфессий, недопустимость привилегий, ограничений или дискриминации, право на пропаганду веры, религиозное

обучение и воспитание, благотворительную деятельность. Статья 8 Закона РСФСР “О свободе вероисповеданий” исключала создание органов государственной власти, специально предназначенных для решения вопросов, связанных с реализацией права граждан на свободу вероисповедания. Допускался лишь консультативный орган с участием представителей религиозных объединений. 1 января 1991 г. был упразднен Совет по делам религии.

Начинался новый этап государственно-конфессиональных отношений. Им суждено было развиваться в принципиально иных исторических условиях, так как вызвавшая этот этап к жизни перестройка оказалась прологом к крушению советской власти.

⁴⁴ См.: Вильер П. Указ. соч. С. 387.